

Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси)

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, karavash2008@yandex.ru*

Аннотация. Пророчества, видения и знамения были широко представлены в памятниках восточнославянской письменности с первых шагов ее развития до XVII в. включительно. Автор статьи приходит к выводу, что предсказания в древнерусской литературе далеко не всегда сопровождалась видениями и знамениями. Иногда пророчества имели вполне будничный характер и были тесно связаны с описанием повседневной жизни. В работе рассматриваются два типа наблюдателя. Один – беспристрастно изображает все увиденное, не сопровождая свой рассказ оценками и характеристиками. Другой – активно соучаствует в событиях, делает предсказания важным элементом своей картины мира, стремится не только фиксировать происходящее, но и способствовать исполнению предсказаний.

Ключевые слова: предсказания, видения, знамения, символы, повседневность, жития святых, автор, повествователь, наблюдатель

Для цитирования: Каравашкин А.В. Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 15–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-15-31

Human observing (visions, signs, prophecies in Ancient Russia)

Andrei V. Karavashkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, karavash2008@yandex.ru

Abstract. Prophecies, visions and omens were widely represented in the monuments of East Slavic writing from the first steps of its development to the 17th century. The author of the article comes to the conclusion that predictions in ancient Russian literature were not always accompanied by visions and signs. Sometimes the prophecies were quite mundane and were closely

related to the image of everyday life. The paper considers two types of observers. The one impartially depicts everything seen, without accompanying the story with judgements and characteristics. The other actively participates in events, makes predictions an important element of their picture of the world, seeks not only to fix what is happening, but also to contribute to the fulfillment of predictions.

Keywords: predictions, visions, signs, symbols, everyday life, lives of saints, author, narrator, observer

For citation: Karavashkin, A.V. (2020), "Human observing (visions, signs, prophecies in Ancient Russia)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 15-31, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-15-31

Традиционно медиевистика уделяла большое внимание религиозно-символической составляющей древнерусских источников. И здесь, несмотря на запреты и ограничения антирелигиозной цензуры, ученые пользовались относительной свободой. Исследование видений, знамений и чудес довольно успешно проводилось советскими историками и филологами. Так что эта тема насчитывает в советской еще историографии не одно десятилетие¹. Были выявлены и систематизированы даже особые символические интерпретации исторических событий. Их рассматривали как примеры исторически-конкретной рефлексии над фактами общественной жизни и видели в них особую, специфически древнерусскую форму общественного сознания [Прокофьев 1975, с. 34–35].

Как правило, предсказания (в любой их форме) ученые считали частью грандиозной панорамы исторических событий, а к сопряжению профетизма и повседневности обращались редко. Между тем вся жизнь средневекового человека была проникнута связью с иной реальностью. И это взаимодействие рассматривалось почти буднично. На эту сторону древнерусских предсказаний, тесно связанных с фактами текущей жизни, а также с изображением частных, единичных случаев в древнерусской литературе, обратил внимание А.С. Демин [Демин 2010, с. 23–37]. Медиевист привлек довольно большой материал – от ранних летописных сообщений XI–XII вв. до памятников бытового повествования XVII в.

¹ Например, видениями Смуты занимались такие исследователи, как С.К. Шамбинаго, А.А. Назаревский, Н.И. Прокофьев. О религиозно-символической составляющей литературы Смутного времени см.: [Туфанова 2019, с. 81–101]. Там же литература по теме.

Но в интересующей нас теме есть еще один аспект. Это точка зрения наблюдателя, от лица которого чаще всего ведется повествование. Типологии наблюдателя в русской средневековой словесности еще нет. О многом мы судим весьма обобщенно, основываясь на самых расхожих априорных ожиданиях (этикет, канон, стили), но при этом упускаем из виду как «ментальное разнообразие» [Демин 2010, с. 23] памятников восточнославянской письменной традиции XI–XVII вв., так и ее склонность к конкретизации, к описанию деталей (не будем эксплуатировать дискредитировавший себя термин «реалистичность»).

В этой статье мы рассмотрим отдельные типы наблюдателя предсказаний в древнерусской литературе. Отметим, что пророчества, которые даются в памятниках, могут быть тесно связаны с религиозно-символической образностью, но это совершенно не обязательно. Многие видения носят устрашающий характер и при этом ничего похожего на пророчества не сообщают. Их цель в другом – внушить пастве смирение перед гневом Всевышнего, заставить покаяться. Например, Евфимия Чакольского, жившего на русском Севере во времена Смуты, носит по церкви и заламывает так, что он испытывает жесточайшие страдания. Люди видят это. Потом в своих объяснениях Евфимий сообщает, что так действует сама Богородица, желающая, чтобы люди принесли покаяние и отказались от скверных обычаев. Иногда причиной видений Евфимия становятся самые простые бытовые проступки верующих: на службе дети ссорятся, а на улице за церковью бабы в кустах косят траву, и это слышат все, находящиеся в храме².

Не менее показательным в этом смысле видение, случившееся в Архангельском соборе Московского Кремля. Некоторыми своими образами оно напоминает «страшилки» гоголевского «Вия». В «Ином видении» московские сторожа из Овощного ряда подсматривают за происходящим в усыпальнице великих князей снаружи, с паперти, сквозь замочную скважину (отметим, что наблюдение через щель или замок стало топосом восточнославянской книжности по крайней мере со времен Нестора, составившего в 80-е гг. XI в. «Житие Феодосия Печерского»)³. В пятый час ночи в храме начался шум и говор. Горела свеча. Кто-то постоянно читал за упоккой. Слышен был смех и споры. Причем доминировал низкий голос, который в конце прикрикнул на остальных так, что все подчинились и замолчали. А потом начался всеобщий великий плач. При

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. СПб.: Наука, 2006. С. 232.

³ Подробнее об этом см.: [Каравашкин 2019, с. 143].

этом был и свет, который то выхватывал из темноты своды собора, а то освещал пол. Показательно, что сторожа не смогли понять ни одного слова, да и лиц собравшихся в храме не рассмотрели. Они передают потом окольничему Головину и дьяку Булдакову лишь самое общее впечатление от увиденного и услышанного⁴. О смысле подобного рода «видения» можно было только гадать.

Настоящие пророчества заявляют о себе в годы Смуты там, где видения редки, а описания их лаконичны, где нет эсхатологической образности, где преобладают не странные перемещения по церкви и экстагические призывы к покаянию за малейший проступок, а чисто житейские конфликты и психологические детали. Да и войну подвижник ведет не с бесами, а с нерадивыми настоятелями и погрязшими в пороках монахами. Впрочем, и сам масштаб людского зла здесь несравненно больше, чем в откровениях пинежского крестьянина Евфимия Чакольского.

Речь идет о «Житии Иринарха Ростовского». Изображение неурядицы и неправды в основном связано в этом тексте с действиями людей. Прорицатель при этом не выглядит в глазах окружающих визионером, но ему все верят и приходят к нему, потому что пророчества сбываются. Описания его разговоров с людьми оставил монах Борисоглебского монастыря под Ростовом Великим. Ученик Иринарха Ростовского Александр прожил рядом со святым 30 лет. Вскоре после смерти подвижника, последовавшей в 1616 г., он создает его Житие, которое затем пополнялось новыми посмертными чудесами вплоть до середины XVII в. Как пророк Иринарх прославился еще при жизни. Причем самые впечатляющие его предсказания относятся к эпохе Смуты. Более того, святой общается с главными фигурантами Смуты практически один на один. Кого-то благословляет (Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский), а кому-то говорит о ближайшем будущем (Ян Петр Сапега). При этом многие его предсказания негативные.

Житие Иринарха состоит из эпизодов, описывающих страстотерпческое труженичество и непрерывные испытания, вызванные в том числе действиями ненавидящих подвижника церковных начальников. Видение о будущем разорении Русского государства от литовцев никак не выделяется на общем фоне: во сне старец увидел истерзанную землю, а голос повелел ему отправиться в Москву к царю Василию Шуйскому и рассказать всю правду. Однако этот эпизод не отмечен приемами торжественной риторики, образами и символами, трактуемыми о приходе в мир Антихриста. Напротив, это один из многих моментов в каждодневном служении подвиж-

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. С. 202.

ника. Царя Иринарх увидел в храме Московского Кремля, осенил Шуйского крестом, внушал ему крепко стоять за истинную веру. На дорогу царица приготовила затворнику в подарок два полотенца, от которых тот отказывается, сообщив, что приехал сюда не ради даров.

А вот эпизод, посвященный встрече затворника с активным сторонником Лжедмитрия II – королевским ротмистром Сапегой:

И отвечавъ старецъ: «Я в Руси рождень и крещень, и азъ за рускаго царя и Бога молю». И отвеща Сапега: «Правда въ батке велика: в коей земли жити, тому царю и прямити». И рече: «Паны тебя, господине, наши ограбили?». И отвечава старецъ: «Приехавъ панъ лють Сушинской, и пограбилъ весь монастырь, не токмо меня, грешнаго старьца». И отвеща Сапега: «И за то панъ Сушинской повешень». И рече старецъ пану Сапеге: «Возвратися, господине, во свою землю. Полно тебе в Руси воевать. Аще не изыдеши из Руси, или опять возвратишия в Русь, и не послушаеш Божия слова, то убиень будеши в Руси». И панъ Сапега умилился душею о словеси и рече: «Чемъ мне тебя даровать? Я такова батька нигде здесь, ни во иных землях крепка и безбоязна от нашего меча не наехалъ». И рече старецъ: «Я Святому Духу не указчикъ, я от Святаго Духа и питаюся. Какъ тебя Святыи Духъ научит, такъ и сотворишь по его святой воле». И Сапега рече старцу: «Прости, батко!» И поклонився, изыде с миром, и присла старцу на милостыню 5 рублевъ денегъ, и не веле монастыря тронуть ничемъ. И поиде Сапега с ратию в Переаславль. И бысть въ монастыре радость велия, что Господь Богъ избавил великаго пленения, а старецъ безпрестани моляся Богу со слезами, слезы ко слезамъ проливая, чтобы Господь Богъ избавилъ всю Рускую землю от пленения⁵.

В этом отрывке пророчество делается как бы между прочим. Оно становится важной частью обмена репликами, но почти не отмечено специальными приемами выразительности. Скорее, весь диалог становится одним таким приемом или сильной позицией текста, поскольку ярко характеризует ситуацию, дополняя рассказ важными психологическими оттенками: Сапега предстает как человек, способный слушать, отдающий дань уважения собеседнику, считающийся с его правдой, испытывающий даже определенное чувство вины за содеянное зло. Иными словами, литовский военачальник представлен тут не как традиционный враг Русской земли, а как человек, способный на глубокое религиозное чувство («умилися душею»), кающийся («Прости, батко!»), смиряющийся («изыде с миром»). Простота и даже незамысловатая народность

⁵ Там же. С. 488–490.

диалога заставляет вспомнить те характеристики, которые давал источникам Смуты А.А. Назаревский. Ученый отмечал, что для грамот начала XVII в. характерны как диалоговая форма, так и рифмы. Причем рифму исследователь деловой письменности Московской Руси рассматривал как особую форму эмоционального отношения к предмету речи [Назаревский 1961, с. 71–76]. Невозможно доказать, передает ли инок Александр реальный диалог затворника и Сапеги, но с помощью рифмы он подчеркивает важную для позиции старца идею: «в коей земли жити, тому царю и прямити».

Манера повествования, избранная составителем «Жития Иринарха Ростовского», не была чем-то из ряда вон выходящим, абсолютно исключительным. У агиографа были предшественники, причем в поле их зрения также попадали многочисленные предсказания.

Наиболее близким по типу пророчеств оказывается предшественник Иринарха – новгородский святой Михаил Клопский. Только если ростовский святой подвизался в основном как затворник-страстотерпец, то Михаил своим вызывающим и парадоксальным поведением больше напоминал юродивого. Повесть о Михаиле датируется 70–80-ми гг. XV в.

Предсказания юродивого не отличались разнообразием. В основном это предсказания-угрозы. И делаются они почти всегда одинаково бесстрастно. Посаднику, который начал притеснять монастырь, Михаил обещает: «Будеши без рукъ и без ногъ, мало в воде не утонеш!»⁶. Предсказание сбылось. Посадник, преследуя монастырских рыбаков, чуть не утонул, а когда его спасли, то оказалось, что он не может пошевелить ногами и руками. Пришлось вымалывать пощаду, развозя богатые милостыни по разным монастырям. Так велел юродивый. Нечто похожее повторилось, когда два новгородца поспорили из-за земли:

И прорече Михайло Олферью Ивановичу: «Будеши без рукъ и без ногъ и немъ!» И пришедши Олферий к церкви Святией Богородици в Курецко и молви: «Брате Иване, то земля моя!» Да по руки удариль, да рукавицею удариль в землю. Да по рукавицу наклонился, и уя у него рука и нога, и языкъ проч отнялся и не говорить⁷.

Можно подумать, что Михаил жесток, но ведь он объявляет не свою волю. Наиболее ярко это проявляется в беседах с князем

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 224.

⁷ Там же. С. 226.

Дмитрием Шемякой, который дважды приезжал в монастырь благословиться, чтобы вернуть назад великое княжение. Предыстория Шемяки словно не интересуется автора. Разговор протекает в обычной обстановке. Князь даже не понимает всю силу пророчества. Ему кажется, что монахи могут выпросить у Бога великое княжение. Юродивый объясняет, что власть принадлежит Богу, и добиться ее у Шемяки не получится. Тем более что время его земной жизни подходит к концу:

И князь спроси: «Михайлушко, моли Бога, чтобы достигнути мне своей отчине – великого княжения». И Михайла рече ему: «Княже, достигнеша трилактонаго гроба!» И князь, того не рядячи, да поехал достигати великого княжения. И Михайла рече: «Всуде тружаешися, княже, чего Богъ не дасть». И не бысть Божия пособья князю⁸.

Приезжая в монастырь во второй раз, Шемяка повторяет просьбу и дарит Михаилу со своего плеча шубу. Юродивый гладит князя по голове и трижды повторяет: «Княже, земля вопиет!»⁹. Вскоре князь умирает. Впрочем, так же спокойно говорит Михаил о собственной кончине и указывает монахам место, где его похоронить.

Из общего ряда предсказаний Михаила Клопского выбивается только посмертное пророчество о победе Ивана III при Шелони и о присоединении к Москве Новгорода¹⁰. Оно имеет ярко выраженный антиновгородский характер и касается событий, которые относятся к отдаленному будущему и связаны с историей всего Русского государства. Возможно, это пророчество имело прямое отношение к идеологической борьбе XV в. и было задним числом приписано Михаилу.

В то же время, что и Житие Михаила Клопского, создается рассказ монаха Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского. Перед нами дневник скорбных приготовлений человека, который, даже достигнув святости, не мог порвать с внешним миром. И вот теперь он изо всех сил стремится не участвовать в делах князя и своих мирских почитателей. Иннокентий, не скрывая душевной тревоги, детально фиксирует каждое распоряжение и каждый поступок старца. Тот вынужден скрывать предвидение о своей кончине даже от самых близких к нему людей. В том числе и от Иннокентия, с которым беседует намеками о приближающемся великом

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 230.

часе. Иногда он, конечно, проговаривается, и тема смерти так или иначе заявляет о себе.

Драматизм ситуации в том, что в самый ответственный для себя момент, когда требуется полная внутренняя сосредоточенность, Пафнутий не может избежать внимания людей. Он должен скрывать тайну своего ухода как от тех, кто находится за пределами монастыря, так и от многочисленных насельников обители, чтобы не подать повода для суеты, разговоров, выражения скорби и даже для тревоги. Тем не менее напряжение нарастает. Особенно это видно, когда священник верейского удельного князя Михаила Андреевича в течение долгого времени добивается встречи со старцем, но тот отказывается. И даже во время службы в храме святой вынужден уйти в алтарь, чтобы дожидаться, когда княжеский порученец оставит монастырь. Скрываемое Пафнутием предвидение каким-то образом (скорее всего, в виде слухов) стало быстро распространяться помимо воли святого. Скоро монастырь осаждают многочисленные посланцы и гонцы. Письмо приходит от самого Ивана III, затем от его матери, потом и от жены князя, гречанки Софьи Палеолог. Приносят письма и из других мест – от бояр и даже от простых людей. С грамотами иногда присылают и золото. Старец отказывается принимать кого бы то ни было, письма не читает, а дары отсылает назад.

Предсказанию Пафнутия суждено осуществиться в молчании и втайне. Оно адресовано избранному. Само погребение, в соответствии с его волей, скрыто от посторонних глаз. Своим уходом старец бросает вызов миру, в последний раз и уже бесповоротно отрекается от него. Предчувствие скорого ухода провоцирует крайне негативное отношение святого к власти и ее представителям. О них Пафнутий говорит как о чем-то опостылевшем и даже ему ненавистном. Предвидение меняет и самого подвижника, и окружающую его земную действительность, которая открывается в своем истинном свете. Это один из самых ярких эпизодов рассказа о смерти Пафнутия Боровского. Он обращается к Иннокентию с такими словами:

Что тебе на мысли? Не даси же ми от мира сего ни единъ часъ отдохнути. Не веси ли – 60 лет угажено миру и мирьским человекомъ, княземъ и бояромъ: и въ сретенье им сованося, и в беседе съ ними маньячено (на встречах и в беседах с ними сколько было суеты и лести, – А. К.), и вследъ по них такоже сованося, а того и не вемъ, чесога ради? Ныне познах: никакая ми от всего того полза, но паче души испытание о всемь¹¹.

¹¹ Там же. С. 276.

Перед нами особый контекст предсказания – повседневность в ее самом будничном, суетливом, недостойном великого часа виде.

О русской литературе XVI в. иногда говорят как о времени формализации, повторов, «второго монументализма», когда все традиционное собиралось и обобщалось, а новое с трудом пробивало себе дорогу. Эту закономерность переносят и на провидческие эпизоды повествовательных текстов: «В целом, бедность предсказаний в произведениях XVI в. не позволяет пока сделать решительный вывод о преобладавшем однообразии литературы этого периода, хотя такое впечатление все-таки складывается» [Демин 2010, с. 35].

И все же в литературе XVI в. мы находим один совершенно выдающийся в философском отношении, новаторский комплекс текстов, для которого мотив предсказаний и ближайшего будущего играет ключевую роль. Имеется в виду публицистический сборник Ивана Пересветова, дошедший в поздних списках XVII столетия. Свои «речи» служилый человек вывез из Литовской Руси. В так называемой «Малой челобитной», ставшей главным источником биографических сведений о публицисте, проситель подчеркивает: «И оставя яз тамо (в западных странах. – А. К.) дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению»¹².

Из этих слов можно заключить, что информаторы Пересветова сообщили ему о каком-то небесном знаке. Это, пожалуй, самая принципиальная для понимания пересветовского сборника фраза, хотя она и остается для нас загадочной. Смысл ее раскрывается только в контексте той системы воззрений, которую развернул на страницах своих сочинений апологет «вечной правды» – Иван Семенович Пересветов. Философия автора передается в сборнике через цепочку событий, имеющих причинно-следственную обусловленность. Чтобы лучше представлять, какую цель преследовал дворянский публицист и чему служили его пророчества и «знамения», восстановим фабулу, то есть фактическую, линейную связь эпизодов. Сразу отметим, что события эти имеют легендарно «апокрифический» характер. Пересветов описывает особый мир, живущий по собственным правилам.

Как сообщает вступительная «Повесть о взятии Царьграда турками», основание греческой столицы начинается с небесного знамения (борьба орла и змея), которое предсказывает завоевание царства неверными. Затем читатель переносится в другую эпоху. Речь

¹² Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А.А. Зимин. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 164.

идет о событиях, предшествующих катастрофе середины XV в. Предпосылки катастрофы изложены публицистом в «Сказании о царе Константине». Последний греческий царь Константин Иванович, как и великий князь Московский Иван IV, начинает править в три года (исторический Константин XI был провозглашен императором, когда ему было 44 года). Царством владеют бояре. Они не хотят, чтобы Константин был защитником христианства, думают о своем спокойствии, а не о справедливых войнах, которые нужно вести царю. Вельможи поддельвают священные книги, внося туда свои поправки. Суть изменений в том, что за оружие нужно браться только в случае нападения. Упреждающие боевые действия приведут к напрасному пролитию крови, которая взыщется с царя. Константин Иванович прочитал эти слова и стал кротким.

В это время набирают силу османы. Внешние враги решаются покончить с Греческим царством. В сценах, описывающих штурм византийской столицы войском Мехмеда II (в сборнике – Магмет-салтан), также появляются грозные предупреждения. Неизреченный свет собирается вокруг купола Св. Софии, а затем уходит на небо. В *седьмом часу ночи* над городом собирается тьма, «испускающе, аки слезы, капли велицы, подобни величеством и взором буйволному оку, черлены»¹³. Знаки указывают на то, что город обречен. Последний император ромеев погибает на развалинах крепости, а Царьград подвергается разрушению. Осквернены христианские храмы.

Патриарх Анастасий молится, обращаясь к Христу. Предстоятель церкви хочет понять, за что православное царство так жестоко наказано. Спаситель объясняет, что святыню свою не отдал на поругание, а взял на небо. Греки должны научиться закону «правды», потому что они предали забвению справедливый суд, вельможи беспокоились о личном обогащении, а духовенство было лицемерно и подвержено порокам. Итак, город наказан за пренебрежение высшей «правдой». В это время султан забирает у патриарха христианские книги, чтобы познакомиться с их содержанием. Его так восхищает изложенная в них «правда», что он проводит преобразования в своем государстве, основываясь на ее заповедях. Магмет собирался даже принять христианскую веру, но его отговорили вельможи.

Итак, Греческое царство имело «веру», но не имело «правды», а держава Магмета основывается на «правде», но пренебрегает истинной «верой». Проходит около ста лет, и в мире вновь появляются небесные знаки. На этот раз они указывают на русского царя.

¹³ Сочинения И. Пересветова... С. 142.

Один из информаторов Пересветова, валашский господарь Петр Рареш («воевода Петр»), провозглашает принцип, в соответствии с которым «правда» и «вера» должны быть едины. Его тревожит ситуация, сложившаяся в Русском государстве: ведь там опять есть «вера», но нет «правды»¹⁴. В итоговой «Большой челобитной» публицист проводит весьма недвусмысленную параллель между судьбой греческого царя Константина Ивановича и теми испытаниями, которые выпали на долю русского царя: «Толко, государь, то начинают в своих мудрых книгах и видоцеях (мудрые философы. – А. К.), что будет на тебя, на государя, ловление, аки же на царя Константина царяградскаго, от ворожеб и от кудес, то знаменуется укрочение воинству твоему мудрому...»¹⁵. Пересветов утверждает, что был свидетелем молитвы воеводы Петра о соединении «правды» и «веры» под эгидой Ивана IV:

И видел есми, государь, что Петр, волоский воевода, стал пред образом Пречистыя Владычица наша Богородицы помолитися со слезами о твоём многолетнем здравии, чтобы Господь Бог совершил твоё царское от Бога мудрое приращение к воинству счастливое во умножение веры христианския, во исполнение правды в твоём царстве...¹⁶

Получаемые знаки, предсказания, гадания дворянский публицист рассматривает как важное подтверждение своей правоты: ведь говорит он не от своего лица, но как представитель «вечной правды» и как посредник между царем и «философами мудрыми». Предсказания имеют в сборнике три наиболее распространенных вида: *речи* (пространные суждения философов и реформаторов, прения ученых провидцев о «правде» и «вере»), *книги* (не уточняется, какие именно) и *знамения* (причем о характере их почти ничего не сказано). Важно и то, что биография дворянского публициста, который добивается гармонии «правды» и «веры», им же и включена в легендарный апокрифический контекст.

Русский средневековый нарратив дает и другой яркий пример субъективно окрашенных *авторских* предсказаний. В Житии Епифания Соловецкого, соратника и «союзника» протопопа Аввакума, видения, знаки, пророчества ниспосланы как ответ на внутренние запросы подвижника. Вся жизнь монаха-мученика и страстотерпца проходит на границе между материальным и сверхъестественным. Инок словно всегда пребывает в «тонком сне». В этом смысле его

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ Там же.

творческая манера отличается от авторского почерка «огнепального протопопа», который всегда сохранял интерес к внешней реальности, устройству и тревогам земной жизни. Епифаний весь погружен в себя. Эпизоды Жития Епифания не складываются в единое целостное повествование, а визионерский план, тесно связанный с предсказаниями, нанизывается на личность главного (автобиографического) героя [Демкова 2008, с. 76]. «При этом обезличенные житийные ситуации, освещенные авторским наблюдением как бы изнутри, наполнились живым биографическим содержанием», – замечал исследователь творчества Епифания [Робинсон 1958, с. 224].

Предвидение, доступное Епифанию, имеет одно очень важное свойство: уходя корнями в агиографию и литературу мистического толка, оно присутствует как процесс. Мы становимся свидетелями того, как подвижник нечто видит «сердечными очима», затем увиденное развивается как особый второй план повествования (причем именно на этой стадии возможно «телесное соприкосновение со сверхреальным» [Ранчин 2007, с. 240]), и только потом смысл видения может быть постигнут с точки зрения его последствий для жизни и умонастроения аскета. Видения, таким образом, становятся фактом внутренней духовной жизни. Епифаний здесь – не внешний зритель, а самый непосредственный участник. Каждый раз он получает от высших сил заверения в том, что избранный путь правилен. Довольно типичной для автобиографического Жития оказывается следующая ситуация: бесы нападают на келью, но в это время раскрывается потолок, откуда «прихожаше... сила Божия... на беса, еже мучити его»¹⁷. Епифаний затем сам начинает мучить бесов, избивая их о скамьи и стены. Визионер при этом призывает в помощь Бога или Богородицу, а бесы исчезают, словно их и не было. Следует итоговая формулировка, например: «И после того больше году, мнит ми ся, не бывали беси ко мне в келию»¹⁸. Иногда бесы, которые были мертвыми в руках Епифания, разбредаются, покидая сакральное пространство, словно пьяные или сонные.

Сходную структуру имеют эпизоды, посвященные телесным исцелениям. В жанровом отношении они восходят и к видениям [Плюханова 1992], и к житиям мучеников [Демкова 2008, с. 77], но их принципы организации получили индивидуальную авторскую разработку именно в Житии Епифания. Первый эпизод – это так называемый «сон мал», в котором инок сподобился побеседовать со своим давно почившим другом Ефросином. Тот был погребен

¹⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17: XVII век. СПб.: Наука, 2013. С. 234.

¹⁸ Там же.

в Андомской пустыни, но вдруг оказался в открытом гробу в одной келье с Епифанием. Мертвец ожил и на расспросы о загробной жизни ответил, что нужно молиться Богородице. Вскоре покойник исчез, а Епифаний, продемонстрировавший в разговоре с ним свой страх перед загробным наказанием, получил по своим молитвам помощь Пречистой, в том числе после варварской казни, когда лишился большей части пальцев на руке. Известно, что за непреклонность в защите старой веры Епифаний дважды подвергался жестокому наказанию. Сначала в Москве «на Болоте» ему отсекали язык, а потом повторили эту же «казнь» в Пустозерске, вырезав выросший заново язык (или зажившие остатки языка) под корень. После пустозерского видения, в котором на покрове-«воздухе» страдалец увидел два своих языка, один из которых был «зело краснешенек»¹⁹, наступило исцеление. Само же видение, как подчеркивает автор Жития, было результатом молитвенного правила.

Итак, видения-предсказания в Житии Епифания касаются ключевых моментов его труженичества, становятся откликом на глубинные переживания героя, имеют важные последствия не только в духовном смысле, но и в осязаемом, физическом отношении.

Подведем итоги. Мы убедились в том, что религиозно-символическая образность вполне может обходиться без предсказаний, а предсказания – без религиозно-символической образности. Последняя нередко выступает в роли способа воздействия на суеверные разум и чувства, но не несет конкретной информации²⁰. Видения и знамения присутствуют в повседневной жизни, создавая пространство неопределенности, выступая исключительно суггестивным средством. Они внушают чувство таинственного. Все необычное относится к области *события*, нарушающего естественный порядок вещей, вызывающего страх. Пророчества, напротив, сообщают совершенно конкретные сведения (их можно проверить, убедившись в истинности сообщения, когда предсказанное случится или не случится вовсе), приурочены к четко обрисованным

¹⁹ Там же. С. 247.

²⁰ Как подчеркивает А.С. Демин, в литературе XII–XIII вв. отмечается или настороженное, или почти безразличное отношение к предсказаниям. Скептически относится к солнечному затмению Игорь из летописной повести (Ипатьевская летопись), фиксирует невозможность судить по знамениям о будущем один из составителей Галицко-Волынской летописи. В XV в., несмотря на обилие предсказаний-примет в памятниках воинского жанра, недоверие к знакам сохраняется. В «Сказании о Мамаевом побоище» в целом счастливые приметы Дмитрия Волынца до самого финала держат в тайне, поскольку бояться ложности предсказаний [Демин 2010, с. 31–34].

ситуациям, связаны с бытовой обстановкой, выражаются нередко в форме простейших диалогов. Они зачастую относятся к сфере *обиходного*. Трансцендентное, потустороннее здесь никак не маркировано. Соответственно, и чувства ужаса не вызывает. Причем сам процесс прорицаний для наблюдающего оказывается важнее, чем ответ на вопрос, как и при вмешательстве каких именно сил получено высшее знание. То есть перед нами один тип наблюдателя – *беспристрастный свидетель*. Ему дана лишь внешняя сторона события, а не его телеология (высшее назначение). Он и выбирает для рассказа об увиденном самые простые средства, ограничиваясь описанием. Именно к этому типу предсказаний мы относим эпизоды «Жития Иринарха Ростовского» и «Жития Михаила Клопского», а также рассказ Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского. Все три произведения могут быть отмечены как своеобразные *хроники повседневности* средневековой Руси.

Прямо противоположный тип наблюдателя – *повествователь-актор*. Он не только включен в действие, но и становится носителем смысла, активно раскрывает конечную цель и содержание пророчеств. Предсказания служат побудительным мотивом для его деятельности и даже являются частью его биографической ситуации. Их роль в раскрытии авторской мысли становится ведущей. В конечном счете ради исполнения пророчеств автор и создает произведение. Он нацелен на реализацию обещанного. Не ждет пассивно, когда все случится само собой, но стремится приблизить будущее, имея перед собой вполне отчетливую его картину. Она не обязательно позитивная. Для Пересветова, например, пророчество может и не совершиться, если свободная воля людей не будет направлена на достижение «правды». Для инок Епифания в земной жизни нет ничего, кроме страданий, а общая судьба Русского государства устремлена к конечной гибели вследствие апостазии: так что остается уповать только на загробное блаженство. Так, по мнению С.А. Демченкова, Епифаний убежден, что его предназначение не в борьбе и преображении жизни, но в мученичестве [Демченков 2018, с. 126]. То есть перед нами завершенная система взглядов и даже философия. И предсказания играют в этой мировоззренческой концепции свою заметную роль. Только вот сами знамения и прочие формы предвидений могут быть представлены совершенно различно и в определенном смысле непредсказуемо.

Богатый на религиозно-символическую образность XVI в. вполне мог бы подсказать Пересветову описание видений и знамений, достойных такого значительного повода: ведь речь шла о судьбе всего Русского государства. О высших приметах сказано, но они так и остаются вне авторского поля зрения. Детализированное описание видений мы находим только во вступительной «Повести о взя-

тии Царьграда турками». Но это заимствованный вводный текст. В остальных частях сборника картина прямо противоположная. Как наблюдатель автор фиксирует реакцию людей на полученные знаки (о «вечной правде» свидетельствуют «речи» и «книги»), а сами приметы так и остаются некими абстракциями. О них говорится неоднократно, но они совсем не описаны. Важна их роль, а не конкретные их проявления. У Пересветова они имеют функцию *горизонта* событий, того ожидаемого поворота в развитии действия, который планируется. Говоря о знаках, публицист всегда берет как бы самую высокую ноту, суггестивно отмечает важность своего повествования, которое ведется от лица вождеденной и неизменной Истины.

Напряженный визионерский опыт инока Епифания выразился в подробных и часто шокирующих своим натурализмом видениях. Избиения и случаи взаимного издевательства бесов и подвижника в Житии Епифания совсем не редкость. Иногда руки праведника оказываются мокрыми от крови и бесовского «мясища». Тем не менее смысл не в этих деталях (они лишь призваны подчеркнуть достоверность сакральной галлюцинации). Видения, как правило, играют у Епифания роль предсказаний. Обычно видения – результат тех или иных действий инока. В посланных свыше образах угадываются черты ближайшего будущего, связанные с аскезой или мученичеством монаха. С этой точки зрения показательно видение о двух языках – «пустозерском» и «московском». Отдельно существующий от хозяина и трепещущий в его руках язык символизирует победу мученичества над злой изобретательностью мучителя. После полученного знака (язык в тонком сне прирос к ране и стал здоровым) происходит чудо обретения нового языка уже в материальной реальности.

Итак, позиция наблюдателя, так отчетливо заявляющая о себе в агиографических, пророческих и визионерских текстах средневековой Руси, требует внимательного к себе отношения. Ведь от того, как мы интерпретируем данные рассказа о видениях, знаках и предсказаниях, во многом зависит верное понимание источника в целом. Сама же типология повествователя и автора как наблюдателей в древнерусской литературе – перспективная и многообещающая тема.

Литература

Демин 2010 – Демин А.С. Предсказания в древнерусской литературе // Лингвистическая герменевтика. М.: МПГУ, 2010. Вып. 2. С. 23–37.

Демкова 2008 – Демкова Н.С. О жанровой ориентации автобиографических житий протопопа Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 67–80.

- Демченков 2018 – *Демченков С.А.* Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 256 с.
- Каравашкин 2019 – *Каравашкин А.В.* Непосредственный опыт в текстах Древней Руси: игумен Даниил, инок Фома, протопоп Аввакум // Россия XXI. 2019. № 5. С. 142–153.
- Назаревский 1961 – *Назаревский А.А.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев.: Изд-во Киевского ун-та, 1961. 80 с.
- Плюханова 1992 – *Плюханова М.Б.* Житие Епифания в свете проблем жанра и традиции // *Gattungen und Genologie der slavisch-orthodoxen Literaturen des Mittelalters: (Dritte Berliner Fachtagung 1988)*. Wiesbaden, 1992. S. 117–137.
- Прокофьев 1975 – *Прокофьев Н.И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // *Литература Древней Руси*. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–37.
- Ранчин 2007 – *Ранчин А.М.* Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.
- Робинсон 1958 – *Робинсон А.Н.* Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. С. 203–224.
- Туфанова 2019 – *Туфанова О.А.* Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с.

References

- Demin, A.S. (2010), “Predictions in Old Russian literature”, *Lingvisticheskaya germe-nevtika*, MPGU, Moscow, Russia. pp. 23–37.
- Demkova, N.S. (2008), “On the genre orientation of the autobiographical lives of Arch-priest Avvakum and monk Epiphanius”, *Poetika russkoi literatury v istoriko-kul'turnom kontekste*, Nauka, Novosibirsk, Russia, pp. 67–80.
- Demchenkov, S.A. (2018), *Poslednii iz velikikh prorokov (bibleiskaya profeticheskaya traditsiya v “Zhitii” protopopa Avvakuma)* [The last of great prophets (the biblical prophetic tradition in the “Life” of Arch-priest Avvakum)], *Tsentr gumanitarnykh initsiativ*, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Karavashkin, A.V. (2019), “Direct experience in the texts of Old Russia. Abbot Daniel, monk Thomas, protopop (arch-priest) Avvakum”, *Rossiia XXI*, no. 5, pp. 142–153.
- Nazarevskii, A.A. (1961), *O literaturnoi storone gramot i drugikh dokumentov Moskovskoi Rusi nachala XVII veka* [On the literary side of the letters and other documents of Moscow Russia of the early 17th century], *Izdatel'stvo Kiyevskogo universiteta*, Kiev, USSR.
- Plyukhanova, M.B. (1992), “The life of Epiphanius in the light of the issues of genre and tradition”, *Gattungen und Genologie der slavisch-orthodoxen Literaturen des Mittelalters: (Dritte Berliner Fachtagung 1988)*. Wiesbaden, pp. 117–137.
- Prokof'ev, N.I. (1975), “On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature in the 11–16th centuries”, *Literatura Drevnei Rusi*, MGPI, Moscow, Russia, iss. 1, pp. 5–37.

- Ranchin, A.M. (2007), *Vertograd zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhmost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh* [The silver-tongued garden (Vertograd zlatoslovnyy). Old Russian book-learning in the interpretations, analyzes and comments], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Robinson, A.N. (1958), "The life of Epiphanius as a monument of didactic autobiography", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 15, AN SSSR, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 203–224.
- Tufanova, O.A. (2019), "*Drevnerusskaya literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen*" [Old Russian literature about the Time of Troubles as an artistic phenomenon], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; karavash2008@yandex.ru